

Будда не спасает

Цинь Сюаньюань так и не решился вырвать чешую у золотого дракона.

Покинув тайное царство, он добрал до небольшого городка. Городок был крошечным, с единственной на всю округу гостиницей. Хозяин оказался простым смертным и не признавал ни духовных камней, ни демонических пилюль. Так Цинь Сюаньюань, обладатель несметных сокровищ из тайного царства, не мог позволить себе даже снять комнату.

Пожалуй, за обе свои жизни он еще не оказывался в столь затруднительном положении.

Поразмыслив, он отдал в залог единственное, что имел ценного при себе, — свой железный меч, и лишь тогда получил от хозяина ключ от комнаты.

Тот поначалу отнекивался, его взгляд блуждал по фигуре Бо Цзюань, жадно цепляясь за жемчужную кисть, украшавшую его пояс.

— Мечи... мы обычно не берем в залог оружие. А вот жемчуг на поясе вашего юного господина...

Не успел он договорить, как Цинь Сюаньюань вонзил меч в стойку.

В отполированном до блеска лезвии отразилось искаженное ужасом лицо хозяина.

— Точно не возьмете? — спокойно переспросил Цинь Сюаньюань. — Мой меч очень острый.

— ...

Хозяин судорожно сглотнул. Глядя на острие меча, что замерло в паре сантиметров от его лица, он не посмел возразить и лишь закивал:

— Возьму... возьму...

— Но у нас осталась только одна комната. Если гостю угодно, можете заселяться прямо сейчас!

Одна комната.

Цинь Сюаньюань нахмурился.

Но лучших условий сейчас было не найти. Не мог же он оставить юношу ночевать под открытым небом. Не говоря уже о том, сможет ли этот изнеженный молодой господин вынести такое, суровые условия дикой природы были совершенно не для больного.

Подумав об этом, он все же снял комнату.

— Серебро я принесу через пару дней.

Хозяин поспешно закивал. Какое там серебро, сейчас он хотел лишь одного — спровадить этого бога чумы, что при любом разногласии хватался за меч.

Он торопливо сунул ключ в руку Цинь Сюаньюаня.

— У нас есть горячая вода. Пять вэней за ведро. Можете рассчитаться вместе с платой за комнату.

Еще одни расходы.

Цинь Сюаньюань кивнул, ничего не сказав, но в уме уже прикидывал, как бы поскорее продать тушу злобного цзяо. Когда появятся деньги, не придется так экономить на еде и жилье.

Комната находилась на втором этаже.

Цинь Сюаньюань отыскал ее, толкнул дверь и, войдя, осторожно уложил юношу на кровать.

Серебряные волосы рассыпались по подушке, длинные ресницы отбрасывали тень на щеки.

Во сне лицо юноши было умиротворенным. Почувствовав под собой мягкость, он бессознательно потерся щекой о покрывало и свернулся калачиком, словно котенок, зарывшийся в хлопок.

А твердые мышцы мужчины были без колебаний покинуты, решительно и без малейшего сожаления.

Глядя на эту сцену, Цинь Сюаньюань почему-то ощутил себя вещь, которую использовали и выбросили.

Но он быстро отбросил эту нелепую мысль.

В комнате была лишь одна кровать.

Бо Цзюаньши уже спал на ней. Цинь Сюаньюань придвинул стул и сел у изголовья. В тот же миг его рука по привычке метнулась к поясу за мечом, но наткнулась на пустоту.

Лишь тогда он вспомнил, что отдал меч в залог.

Он опустил взгляд, чувствуя себя непривычно.

И меч, с которым он никогда не расставался, и внезапно появившийся рядом человек — все было в новинку.

Возможно, из-за трагического опыта прошлой жизни он давно привык к одиночеству.

Один человек, один меч. Ему было все равно, где ночевать — под открытым небом, в инее и росе.

Но никто никогда не учил его, как заботиться о другом человеке.

Тем более, если этот человек — его жених...

Цинь Сюаньюань опустил голову, его взгляд упал на спящее лицо Бо Цзюаньши.

Он и представить не мог, что судьба окажется столь причудливой. Юноша, которого он встретил у озера, оказался его высокородным женихом.

Тот по какой-то причине тоже оказался в тайном царстве, в смертельной опасности.

Когда Бо Цзюаньши упал, Цинь Сюаньюань подхватил его инстинктивно.

Он принял тело юноши и вынес его из тайного царства.

«Нельзя же было бросать его в беде», — сказал он себе.

Вне поля зрения Цинь Сюаньюаня за ним неотрывно наблюдал дух зеркала. Убедившись, что этот юноша ведет себя прилично, он успокоился.

Но при мысли о том, что золотой палец, предназначенный для главного героя, достался ему, дух зеркала сердито ткнул Цинь Сюаньюаня щупальцем по голове.

Он и не подозревал, что тот, кого он ударил, и был тем самым главным героем, о котором он так пекся.

Бо Цзюаньши приснился сон.

Заклинатели редко видят сны. Если же сон приходит, это обычно означает, что должно случиться нечто важное, связанное с их судьбой.

Бо Цзюаньши ожидал увидеть картины будущего, показанные ему Зеркалом Небесного Прозрения.

Но вместо этого он шел по выжженной земле.

Точнее, его тело шло по разрушенным руинам.

Вокруг были беженцы, изможденные, с желтыми лицами, кожа да кости. Они походили на высохшие скелеты.

Вся процессия двигалась в мертвой тишине.

Бо Цзюаньши шел вместе с ними, останавливаясь и продолжая путь, пока не достиг вершины горы.

Здесь беженцев было еще больше. Они сидели и лежали, сбившись в кучу на небольшом пятнышке, их лица выражали усталость и апатию.

Грудной младенец плакал от голода, но у матери не было молока, и она могла лишь проколоть палец и кормить его кровью.

Седовласый старик тихо умер от голода и холода.

Кто-то, отчаявшись, повесился.

Все это видел Бо Цзюаньши.

Картина всеобщего горя и страдания.

Он остановился, попытался достать что-то из своего мешка-хранилища, но наткнулся на

холодный металл.

Опустив голову, он увидел, что его руки и ноги скованы тяжелыми цепями. Прикоснувшись к ним, он заметил кровавые руны.

«Странно».

Неужели человек, в чьем теле он оказался, был узником?

Бо Цзюаньши не разбирался в заклятиях и не мог прочесть руны на цепях, но он знал, что такие не встретишь на Центральном континенте.

Больше похоже на стиль западных земель...

Бо Цзюаньши мог лишь запомнить очертания рун.

Процессия продолжала двигаться вперед.

Подняв голову, он заметил, что эти люди отличались от тех, кого он видел ранее. На лицах тех беженцев было лишь отчаяние, они сидели, словно живые мертвецы.

Люди же в процессии, хоть и были измождены, но в их глазах горела надежда.

Как это было странно.

Люди, умирающие от голода, с глазами, полными надежды.

Сначала Бо Цзюаньши не понимал, но потом увидел полуразрушенный храм.

Перед храмом старый монах раздавал милостыню. Он был одет в рясу, расшитую золотыми лотосами, и держал в руках четки из шестнадцати шарика.

Каждому, кто подходил, он давал миску горячей каши.

Беженцы хватали кашу и, не обращая внимания на обжигающую жижу, жадно глотали ее. Опустошив миску, они отходили к стене и медленно закрывали глаза.

Один, второй, третий...

Все, кто съел кашу, поступали так.

Бо Цзюаньши похолодел. Он понял, что эти люди не засыпали. Они умирали. Умирали во сне.

И на их лицах были улыбки умиротворения.

Этот обряд, сколь абсурдный, столь и жуткий, не остановил никого в процессии.

Все они стремились получить свою порцию каши.

Вскоре очередь дошла до Бо Цзюаньши.

Он посмотрел на старого монаха и понял, что перед ним монах, избавляющий от бедствий.

Избавляющий от бедствий... Его предназначение — спасти живых, облегчать страдания. Но то, что он делал, было полной противоположностью.

С каждой отданной миской каши удача монаха убывала, а его ряса, полная заслуг, тускнела.

И все же, пока были нуждающиеся, он с доброй улыбкой продолжал раздавать кашу.

На мгновение Бо Цзюаньши растерялся.

Первым заговорил монах.

Он взглянул на тяжелые цепи на теле Бо Цзюаньши и спросил:

— Зачем ты пришел, благодетель?

Бо Цзюаньши хотел было ответить, но услышал, как из его собственных уст вырвались слова:

— Я пришел просить мастера спасти меня.

Голос был грубым, скрипучим, словно песок скреб по железу.

Бо Цзюаньши замер, лишь через мгновение осознав, что это говорило его нынешнее тело.

Но на эту просьбу монах лишь покачал головой.

— Твоя судьба необычна. Родные мертвы, семь чувств отсечены. Тебе суждено прожить жизнь в одиночестве и горе.

— Я не могу спасти тебя. Твои испытания еще не окончены.

— Испытания? Неужели все, что со мной случилось, из-за этих испытаний? — снова раздался скрипучий голос.

Монах молчал.

Лишь спустя долгое время он вздохнул.

— Ты — и причина, и следствие. Причина и следствие взаимосвязаны, таков закон мира.

Но монах не сказал, что это было небесное испытание, ниспосланное самим Небесным Дао, и человеческими силами его не изменить.

— Если ты действительно ищешь ответа...

Последние слова монах не произнес.

Но Бо Цзюаньши понял, что он говорил о Небесном Дао.

Не успел он задуматься, как монах, словно не желая больше отвечать, взмахнул рукавом.

Бо Цзюаньши ощутил, как мощная волна духовной энергии ударила в него.

В груди потемнело, и, открыв глаза, он понял, что проснулся.

Шум окружающего мира тут же ворвался в его сознание.

Он слышал шаги по деревянному полу снаружи, крики торговцев вдалеке. Было шумно и оживленно.

Это была не его комната.

В Божественном Дворце Пурпурных Облаков не бывает такого шума.

Бо Цзюаньши нахмурился и в панике попытался встать с кровати.

Но он забыл, что слеп, и чуть не налетел на стул, стоявший у кровати.

К счастью, чьи-то руки вовремя успели обхватить его лодыжку.

— Осторожно!

<http://bllate.org/book/16979/1587599>